

© 2021. А. А. Скоропадская
Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск, Россия

Медицинская латынь Ф. М. Достоевского

Аннотация: В произведениях и рабочих записях Ф. М. Достоевского встречаются медицинские термины и выражения, написанные по-латински. В статье приводится текстологическое описание этих иноязычных вставок и анализируются их стилистические и идейно-содержательные функции. Латинские названия болезней, используемые Достоевским, обозначают горячечные, лихорадочные состояния и выступают более как стилистические средства. Терминологические вставки используются также применительно к образу врача-ординатора из повести «Записки из мертвого дома». С одной стороны, вставки маркируют профессиональную принадлежность героя, а с другой — графически обозначают границы больничного «отдыха» арестанта. Примечательно использование латинского афоризма, восходящего к изречению Гиппократу, в романе «Подросток». Известно, что Достоевский опирался на опубликованные протоколы процесса над тайным обществом Н. А. Долгушина. В одном из протоколов приводилось изречение Гиппократу, которое было написано на стене комнаты Долгушина, но приводилось в переводе на русский язык. В рабочих записях Достоевский всегда пишет афоризм по-латински. Это дает основания предполагать, что через обращение к латинскому первоисточнику писатель на содержательном и стилистическом уровнях показывает трансформацию гуманистических ценностей в современном обществе.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, латинский язык, античная традиция, афоризм, термин, иноязычная вставка.

Информация об авторе: Анна Александровна Скоропадская, кандидат филологических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет, пр. Ленина, д. 33, 185910 г. Петрозаводск, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>
E-mail: san19770@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 23.07.2021

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.08.2021

Дата публикации статьи: 25.12.2021

Для цитирования: Скоропадская А. А. Медицинская латынь Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 130–145. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-130-145>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 130–145. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 3, no. 4, 2021, pp. 130–145. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2021. **Anna A. Skoropadskaya**
Petrozavodsk State University
Moscow, Russia

Medical Latin of F. M. Dostoevsky

Abstract: In F. M. Dostoevsky's works and working notes there are medical terms and expressions written in Latin. The article provides a textual description of these foreign language inserts and analyzes their stylistic and ideologically meaningful functions. The Latin names of diseases used by Dostoevsky denote fever, feverish states and act more as stylistic means. Terminological inserts are also used in relation to the image of a doctor-resident from the story "Notes from the House of the Dead". On one hand, the inserts mark the hero's professional affiliation, and on the other, they graphically mark the boundaries of the prisoner's "rest" in the hospital. The use of a Latin aphorism, which goes back to the dictum of Hippocrates, in the novel "The Adolescent" is noteworthy. It is known that Dostoevsky relied on the published protocols of the trial of N. A. Dolgushin's secret society. One of the protocols contained the saying of Hippocrates written on the wall of Dolgushin's room, but in Russian translation. In his working notes, Dostoevsky always writes an aphorism in Latin. This gives grounds to assume that through an appeal to the Latin primary source, the writer shows the transformation of humanistic values in modern society at the substantive and stylistic levels.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Latin language, ancient tradition, aphorism, term, foreign language insert.

Information about the author: Anna A. Skoropadskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Petrozavodsk State University, Lenin st., 33, 185910 Petrozavodsk, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Received: July 23, 2021

Approved after reviewing: August 27, 2021

Published: December 25, 2021

For citation: Skoropadskaya, A. A. "Medical Latin of F. M. Dostoevsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 3, no. 4, 2021, pp. 130–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2021-3-4-130-145>

Латинская словесность как источник образцов емкой афоричности философской мысли, изящной поэзии и точной терминологической формулировки всегда была значима для русской культуры. В ряду иноязычных вкраплений, в обилии обнаруживаемых в литературе XIX в., латинские вставки выделяются своей ярко выраженной прецедентностью, отсылающей к фактам европейской традиции, возвращенным античностью и ставшим всемирным достоянием. Однако роль латинского языкового наследия в поэтике русской классической литературы все еще не исследована в должной мере. Так или иначе, темы латинских вкраплений касаются работы, посвященные полилингвизму художественной литературы [Вишнякова], [Соколова], [Халиков]; непосредственно латинские вкрапления рассматриваются в контексте творчества отдельных авторов [Доровских], [Ильченко], [Саймон], литературных периодов [Кулева, Шестакова], [Краснова] или жанров [Дягилева]. Стоит отметить, что исследователи, обращающиеся к теме иноязычных вкраплений, как правило, работают с материалами художественных, публицистических и эпистолярных текстов, опубликованных отдельными изданиями или вошедших в академические собрания сочинений, то есть с текстами, прошедшими редакторскую и корректорскую правку. Между тем работа с рукописным фондом актуализирует текстологический аспект исследования¹, позволяет не только определить точное написание иноязычной вставки, но и ее графическое исполнение, расположение на странице, текстовое окружение, вписана вставка в существующий текст или вычеркнута и т. д. Творческое наследие Достоевского в этом смысле дает благодатный материал для исследования в виде внушительно-

---

¹ Сошлемся на мнение Г. И. Чулкова, утверждающего: «Каков бы ни был <...> метод исследовательской работы, ее результаты зависят не только от внимания и точности исследователя, но и от материалов, которыми он располагает» [Чулков: 9].

го фонда сохранившихся рукописей — записных тетрадей и книжек, содержащих как записи личного характера, так и рабочие планы и наброски к будущим произведениям. Латинские вставки занимают здесь особое место.

Текстовый корпус рабочих записей и опубликованных произведений содержит 68 латинских вставок, выполняющих разные функции: речевая характеристика героя, терминологическое обозначение того или иного явления, маркирование важных мыслей и т. д. Латинские слова, словосочетания и предложения можно разделить на: 1) текстовые пометы, 2) термины и терминологические сочетания, 3) крылатые выражения. Самые частотные — текстовые пометы. Например, анаграмма *NB* и ее варианты (*n. bene*, *Nota-bene*, *NOTA-BENE*, *NB bene*, *NBene*, *NBota-bene* и др.) встречаются в записях Достоевского более 1900 раз. Отметка *temento* — 18 раз. Пометы отличаются ярко выраженной прагматикой, обозначая важные для Достоевского дела или мысли, к обдумыванию которых он считал необходимым вернуться. Латинские афоризмы и крылатые выражения в силу своей емкой образности, отсылающие к константам европейской культуры, в художественных текстах являются инструментом для обогащения речевой стилистики персонажа. Так, к латыни прибегают Свидригайлов, Степан Трофимович Верховенский, Ставрогин, Федор Павлович Карамазов — герои, чьи ценности во многом сформированы западной культурой; не избегает латинского языка черт Ивана Карамазова, издевательски использующий католические словесные формулы. По замечанию А. Ю. Ниловой, латынь в поэтике Достоевского выполняет снижающую функцию: «Это или маска, за которую герои прячутся в неприятной ситуации, или способ негативной или иронической (что часто одно и то же) характеристики персонажа или ситуации» [Нилова: 39].

В публицистике и рабочих записях латинская афористика — образцовый способ краткого оформления мысли, дающий почву для дальнейшего ее развития¹. Термины и терминологические сочетания (в том числе и на латинском языке) — не редкость в текстах Достоевского [Ружицкий: 32–33]. Возникает необходимость уточнения их

---

¹ В качестве примера исследования подобной роли афоризма сошлемся на свою работу: [Скоропадская].

роли в поэтике публицистического и художественного текста, так как «термин, вырванный из терминологической системы, перестает выполнять свою терминологическую функцию и, обрстая дополнительными коннотативными значениями, может стать средством передачи эмоциональных и даже эстетических смысловых оттенков» [Пиотровский: 134].

Традиционно латинская терминология наиболее часто используется в медицине и юриспруденции. Корпус текстов Достоевского содержит ряд примеров медицинской латыни.

Жизненный опыт (принадлежность отца, Михаила Андреевича Достоевского, и двоюродного деда по материнской линии, Василия Михайловича Котельницкого, к медицинской профессии¹, круг знакомств, собственная болезнь и болезни близких) дал Достоевскому богатый материал для отличающихся особой точностью художественных описаний патологических состояний. Так, эпилепсия, от которой писатель страдал всю жизнь, послужила материалом для создания образов героев-эпилептиков, среди которых наиболее значимы князь Мышкин и Смердяков. Как отмечает А. Н. Кошечко, для Достоевского «болезнь была неотъемлемой частью повседневного опыта, фактом его экзистенциального сознания, определяющим и его индивидуальный поведенческий текст, и особенности художественного мышления» [Кошечко: 286]. Особенно тонко и точно писатель передавал болезненные психические состояния, что было отмечено многими специалистами в области медицины. Например, В. М. Бехтерев в докладе 1913 г. отмечал: «Гениальным чутьем и проникновенной художественной интуицией Достоевский наметил ясно и метко важнейшие черты болезненных явлений душевной жизни. Почти все разновидности психического страдания, классифицированные современной наукой, находят для себя яркие, выпуклые иллюстрации в его произведениях. Клиническая правда в большинстве случаев совпадает с данными художественного творчества Достоевского» [Кузнецов, Лебедев: 7].

Одна из самых упоминаемых в произведениях Достоевского болезней — чахотка (или туберкулез), что обусловлено реалиями XIX в. Чахоткой страдают, например, Катерина Ивановна в «Престу-

---

¹ См. об этом: [Пономарева].

плении и наказании» и Ипполит в «Идиоте». Описывая страдания, вызванные неизлечимой болезнью, Достоевский отмечает их физиологические (кашель, одышка, слабость и т. д.) и психологические проявления (раздражительность, капризность, плаксивость и т. д.). Описания болезненных состояний могут содержать медицинские определения. По наблюдениям В. М. Мирзоевой и Н. Н. Толкачевой, к частотным словам, входящим в концептосферу «болезнь», в текстах Достоевского относится слово «лихорадка», которое, с одной стороны, выступает в медицинском значении «болезненное состояние», а с другой, — указывает на психологическое состояние «взволнованных или теряющих над собой контроль героев» [Мирзоева, Толкачева: 137]. В некоторых случаях писатель актуализирует медицинский, терминологический аспект в описании болезни, прибегая к латинскому языку.

В «Записках из мертвого дома» диагноз, выносимый тюремным врачом переутомленным заключенным, — *febris catarrhalis*¹ — становится шутливой формой официальной причины помещения больного в лазарет:

Иногда он и сам замечал, что больной ничем не болен; но так как арестант пришел отдохнуть от работы или полежать на тюфяке, <...> то наш ординатор спокойно записывал им какую-нибудь *febris catarrhalis* и оставлял лежать иногда даже на неделю. Над этой *febris catarrhalis* все смеялись у нас. Знали очень хорошо, что это принятая у нас, по какому-то обоюдному согласию между доктором и больным, формула для обозначения притворной болезни; «запасные колотья», как переводили сами арестанты *febris catarrhalis* [Достоевский 1972–1990. 4: 143].

Этот же диагноз и в том же написании встречается в рабочих материалах к «Подростку», обозначая легкую неопасную болезнь:

Но не посылает Бог ни горячки, ни даже какойнибудь ничтожной *febris catarrhalis*, здоров[ый]/ть/ какъ быкъ! [Достоевский 1972–1990. 16: 109]².

¹ Это правильное написание термина. У Достоевского все время используется — *catarrhalis*.

² РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 13. С. 38.

Горячее состояние героини «Бесов» в рабочих записях Достоевский определяет как *delirium tremens*:

Лиза на станции впадает в *delirium tremens*. Князь повёлся [Достоевский 1972–1990. 11: 202]¹.

В обоих случаях медицинские термины выступают больше как стилистическое средство, так как не вполне корректно используются в своем медицинском значении, но при этом соответствуют светскому пониманию болезней, с которыми они связаны² — прежде всего, их симптоматике. Однако *delirium tremens* не выходит за пределы черновых материалов к роману, вероятно, из-за однозначной ассоциации с алкогольной этиологией болезни³. Тем не менее, в публицистике Достоевский не боится неоднозначного понимания этого термина. В приписываемой Достоевскому заметке «Из теку-

---

¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 8. С. 30.

² Ср. сходное использование этих терминов в литературе XIX в.:

«Не будь у него febris erotica, как выражался насчет любви доктор Крупов, у него непременно сделалась бы febris catharralis, но тут холодная роса была для него благотворна: сон его, сначала тревожный, успокоился, и, когда он проснулся часа через три, солнце встало...» А. И. Герцен Кто виноват? (1841–1846) [Герцен: 58–59].

«Часто случалось мнѣ въ дѣлахъ и рѣчахъ петербургскихъ дамъ, подмѣчать неизлечимый delirium tremens, бѣшенство тщеславія, но тутъ не было делириумъ тременса». А. В. Дружинин Заметки петербургского туриста (1856) [Дружинин: 373].

³ Такое понимание доминирует в литературе. Например:

«Углицкий стал было придумывать какую-то небывалую причину болезни, ссылаясь на нервы и прочее, чтобы не выдавать слабости Прохина. Но доктор взглянул на больного, пощупал пульс, приподнял ему пальцем веки и сухо, коротко сказал: «Совсем не то, что вы говорите: это от пьянства! У него delirium tremens, и нервы тут ни при чем!». И. А. Гончаров Воспоминания [Гончаров: 301]

«Он совсем запил, *delirium tremens*, и семейство брошено». Л. Н. Толстой «Анна Каренина» (1878) [Толстой: 285]

«Вчерашняя история об офицере резервного батальона разъяснилась довольно пошлым образом: оказалось, что этот несчастный пьет запоем и прежде уже лечился в госпитале от *delirium tremens*». Д. А. Милютин Дневник (1878) [Милютин: 48]

щей жизни» газеты «Гражданин» (1874, № 2) встречается следующий пассаж:

Субъекту, видимо, угрожает, в “близком будущем”, **delirium tremens**: у него уже начинается какой-то дикий литературный бред [Достоевский 1972–1990. 27: 167].

Использование латинского термина обусловлено ироничным тоном собеседника, речь которого приводится в заметке.

С образом тюремного ординатора в «Записках из мертвого дома» связан еще один случай медицинской латыни:

Иногда больной злоупотреблял мягкосердием лекаря и продолжал лежать до тех пор, пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотреть на нашего ординатора: он как будто робел, как будто стыдился прямо сказать больному, чтоб он выздоравливал и скорее бы просился на выписку, хотя и имел полное право просто-запросто безо всяких разговоров и умасливаний выписать его, написав ему в скорбном листе **sanat est** [Достоевский 1972–1990. 4: 143];

и далее:

Но о том, что у него в листе было написано **sanat**, мы узнали уже, когда доктора вышли из палаты [Достоевский 1972–1990. 4: 160].

Написание латинской формулировки диагноза в академическом тридцатитомнике содержит грамматическую неточность: форма **sanat** дважды приводится без точки, обозначающей сокращенную грамматическую форму причастия (полный вариант — **sanatus est**). Если в первом случае («написав ему в скорбном листе **sanat est**») возникает грамматическая бессмыслица, то во втором («у него в листе было написано **sanat**») — логическая, так как в данном случае латинское слово является самостоятельной формой глагола с активным значением, дословный перевод которой — «лечит, излечивает». Получается, что у больного в истории болезни указано не то, что он здоров, а то, что он занимается лечением, т. е. больной равен доктору. В прижизненных публикациях повести (например, в журнале «Время» [Время: 567, 591] и

полном собрании сочинений 1865 г. [Достоевский 1865: 155] подобных ошибок нет.

Формально *sanat<us> est* подходит под категорию *termini technici* — терминологических наименований, сохраняющих графическое и грамматическое написание на латинском языке. Являясь средствами интернационализации медико-биологической терминологии, *termini technici* образуют международные номенклатуры морфологических и биологических дисциплин. Что же касается клинической медицины, то здесь применение *termini technici* носит факультативный характер, но, по данным «Энциклопедического словаря медицинских терминов», большинство русских врачей XIX в. «отстаивало термины, устоявшиеся в профессиональном словоупотреблении, независимо от того, являются ли они интернационализмами греко-латинского происхождения или их русскими эквивалентами. Они осознавали также важность сохранения латинских *termini technici*» [Чернявский: 416]. Таким образом, латынь — неременный атрибут речевого портрета человека с медицинским образованием¹. Возможно, именно поэтому при создании образа врача Достоевский использует латинские вставки, которые маркируют профессиональную принадлежность героя. Но важно учитывать тот факт, что эта речевая характеристика ординатора дается опосредованно — через Горянчикова-повествователя и через самих арестантов, которые принимают в свой лексикон латинские медицинские термины, так как эти научные заимствования символизируют значимые для их больничного пребывания этапы — причину для помещения в госпиталь и вердикт о выписке из него. Возникает некоторая коннотативная игра: болезнь воспринимается как нечто положительное, так как дает возможность отдохнуть от тягот пребывания в остроге, а запись о выздоровлении — как нечто отрицательное, лишшающее возможности скудного комфорта. Латинские вставки графически маркируют границы госпитального отдыха арестанта.

Символически значимым становится появление еще одной латинской цитаты, в состав которой входит слово с корнем *sana-*.

Медицинская латынь функционирует в том числе в виде афоризмов, отражающих профессиональные и этические принципы искус-

---

¹ О важности латинского языка для образования и научной аттестации медиков см.: [Гатина, Вишленкова]

ства врачевания. Пример такого афоризма находим в романе «Под-росток»:

Только что мы вошли в крошечную прихожую, как послышались голоса; кажется, горячо спорили и кто-то кричал: «**quae medicamenta non sanant — ferrum sanat, quae ferrum non sanat — ignis sanat!**» (*Чего не исцеляют лекарства — исцеляет железо, чего не исцеляет железо — исцеляет огонь* — А. С.) [Достоевский 1972–1990. 13: 43].

Сохранившиеся рукописные материалы показывают, что с самого начала разработки сцены латинский афоризм включался Достоевским в содержание разговора:

— Разговоръ Нигилистовъ (въ восторгѣ) “**Quae medicamenta non sanant...**“> и т. д. а потому пустить краснаго пѣтуха повсемѣстно, по [се-ламъ] /городамъ/ и деревнямъ <В рукописи описка: деревнямъ>, съ того и начать. Вотъ какъ я понимаю. (Говорить это шпіонъ; ему возражаютъ) [Достоевский 1972–1990. 16: 80]¹.

Къ Витѣ — о Крафтѣ. Долгушинъ, Васинъ — сестра, **quae medicamenta**, разговоры споры, Ламбертъ. Кто-то спрашиваетъ: князь Долгорукій — об-вель глазами. Не моя идея, Васинъ — машина, Крафтъ — Россія, къ Крафту [Достоевский 1972–1990. 16: 191]².

Латинский афоризм восходит к изречению Гиппократата, обозначающему основные способы лечения болезни. С течением времени апофтегма утратила медицинскую направленность, превратившись в словесную формулу радикальных мер общественного переустройства. В сложноподчиненных предложениях, из которых состоит афоризм, в качестве субъектов действия выступают существительные *ferrum* (железо) и *ignis* (огонь). Именно эти слова легли в основу другого, более позднего и более распространенного выражения — *Ferro ignique* (Железом / мечом и огнем), применяемого в военной тематике. У Достоевского оборот «огнем и мечом» не единожды используется в «Дневнике писателя»³. Это дает повод предположить, что смысловая транс-

¹ РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Ед. хр. 11. С. 58.

² Там же. С. 270.

³ «Почему в Европе освобождение произошло не от владетелей, не от баронов, не от помещиков, а восстанием и бунтом, огнем и мечом и

формация латинского афоризма учитывалась Достоевским при его включении в текст «Подростка»: интеллигенты-нигилисты, произнося латинскую фразу в ее начальном, медицинском значении, вкладывают в нее привнесенный смысл: говоря об исцелении, они подразумевают уничтожение.

Как известно, прототипом революционно-народнического кружка Дергачева стало тайное общество Н. А. Долгушина, подробности процесса над которым были опубликованы в газете «Голос». В частности, в одном из протоколов были перечислены настенные надписи, обнаруженные на даче Долгушина, первым в списке шел афоризм Гиппократа. Отмечая наряду с другими деталями протокола произведенные Достоевским заимствования, К. Мочульский делает следующий вывод: «С такой добросовестной аккуратностью “реалист” Достоевский воспроизводит внешнюю сторону жизни революционного кружка. Внутренняя сторона в романе едва намечена» [Мочульский: 226]. Осмелимся не вполне согласиться с уважаемым исследователем. В цитируемом в газете протоколе изречения, написанные на стенах долгушинской дачи, приводились в переводе на русский язык¹. Достоевский же, намечая детали сцены в квартире Дергачева, апеллирует к латинскому первоисточнику афоризма. Дело не только в том, что прекрасно знавший латынь писатель автоматически переключился на язык крылатого выражения, знакомого каждому гимназисту: латинская вставка на содержательном и стилистическом уровнях символизирует идейную трансформацию, происходящую с веками утверждаемыми ценностями. Латинская графика актуализирует отсылку к античной культуре, заложившей основы гуманизма, получившего воплощение в том числе в этических нормах врачевания. Материалистическое понимание медицины, свойственное реалистическому духу середины XIX в.², отвер-

---

реками крови?» («Дневник писателя», 1876) [Достоевский 1972–1990. 22: 118].

«Не десятками и не сотнями, а тысячами и десятками тысяч истреблялись болгары огнем и мечом, дети их разрывались на части и умирали в муках, обесчещенные жены и дочери были или избиты после позора, или уведены в плен на продажу...» («Дневник писателя», 1877) [Достоевский 1972–1990. 26: 75].

¹ См.: Голосъ. 1874. № 196. С. 4.

² См. об этом, например: [Баранова].

гается Достоевским — писатель видит в врачах не только умение бороться с телесными недугами, но, прежде всего, — способность к сочувствию и состраданию. Такое понимание сформировано сочетанием античной (учение Гиппократ) и православной (Христос как врач в высшем смысле [Аникин]) этики.

Латинская терминология в произведениях Достоевского — не просто характерологическая деталь, индивидуализирующая речевой портрет героя или дополняющая картину социальной жизни. Медицинская латынь становится одним из культурных кодов, используемых писателем для расширения этического и эстетического контекста, через современность отсылающего к универсальному, вечному.

Список литературы Источники

Время. Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М. Достоевского. СПб.: Тип. Э. Праца, 1862. Февраль. С. 565–597.

Герцен А. И. Кто виноват? // Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 4. 346 с.

Гончаров И. А. Воспоминания // Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Худож. лит., 1952–1955. Т. 7. С. 224–315.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука, 1972–1990.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1865. Т. I. 274 с.

Дружинин А. В. Заметки петербургского туриста // Дружинин А. В. Собр. соч.: в 8 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1865–1867. Т. 8. С. 111–462.

Милютин Д. А. Дневник: в 4 т. М.: Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей, 1947–1950. Т. 3. 323 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М.: Худож. лит., 1978–1985. Т. 9. 450 с.

Исследования

Аникин А. А. Образ врача в русской классике // Образовательный портал «Слово». Филология. URL: www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293.html (дата обращения: 02.09.2021).

Баранова И. А. Литература и медицина: трансформация образа врача в русской литературе XIX века // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2010. № 2 (8). С. 186–194.

Вишнякова Е. А. К вопросу об иноязычных вкраплениях в эпистолярии русских классиков XIX века: В. А. Жуковский и К. Н. Батюшков // Вестник томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 92–99.

Гатина З. С., Вишленкова В. А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2014. № 1 (18). С. 168–178.

Доровских Л. В. Латинские вкрапления в переписке А. П. Чехова // Филологический класс. 2010. № 24. С. 60–66.

Дягилева И. Б. Латинские слова и выражения в русских газетах первой половины XIX века // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 536–541.

Ильченко О. С. Латинские вкрапления в русской литературе второй половины XIX века // Russian Linguistic Bulletin. 2020. № 3 (23). С. 140–144.

Кошечко А. Н. Болезнь как экзистенциальный феномен в творческом сознании Ф. М. Достоевского // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3. С. 285–289.

Краснова Т. В. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи начала XX века: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2009. 25 с.

- Кузнецов О. Н., Лебедев В. И. Достоевский над бездной безумия. М.: Когито-центр, 2003. 232 с.
- Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74, № 1. С. 68–76.
- Мирзоева В. М., Толкачева Н. Н. Концептосфера «болезнь» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Тверского государственного университета. 2016. № 1. С. 135–140.
- Мочульский К. В. Тоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. 273 с.
- Нилова А. Ю. Латинский язык в творчестве Ф. М. Достоевского // Фортунатовские чтения в Карелии. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2018. С. 36–39.
- Пиотровский Р. Г., Рабухо Н. П., Хажинская М. С. Системное исследование лексики научного текста. Кишинев: Штиинца, 1981. 159 с.
- Пономарева Г. Б. Достоевский — сын врача и врачеватель больного мира (к 185-летию со дня рождения) // Врач. 2007. № 1. С. 76–78.
- Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 57 с.
- Саймон К. Латинские цитаты в «Путевых записках» архиепископа Нила (Исаковича) // Филаретовский альманах. 2008. № 4. С. 77–92.
- Скоропадская А. А. *Strepitu belli propelluntur artes*: латинский афоризм Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. Т. 7. № 4. С. 208–221.
- Соколова О. В. От авангарда к неовангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М: Культурная революция, 2019. 294 с.
- Халиков М. М. Полилингвизм художественного мира Ф. М. Достоевского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. № 76. С. 98–109.
- Чернявский М. Н. Краткий очерк истории и проблем упорядочения медицинской терминологии // Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. М.: Сов. энциклопедия, 1984. Т. 3. С. 411–425.
- Чулков Г. И. Как работал Достоевский. М.: Юрайт, 2019. 217 с.

References

- Anikin, A. A. “Obraz vracha v russkoi klassike” [“The Image of a Doctor in the Russian Classics”]. *Obrazovatel'nyi portal “Slovo”. Filologiya [Educational Portal “Slovo”. Philology]*. Available at: www.portal-slovo.ru/philology/37293.php?ELEMENT_ID=37293.html (Accessed 22 June 2021). (In Russ.)
- Baranova, I. A. “Literatura i meditsina: transformatsiia obraza vracha v russkoi literature XIX veka” [“Literature and Medicine: Transformation of the Doctor’s Image in Russian Literature of the 19th Century”]. *Vestnik Samarской gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, no. 2 (8), 2010, pp. 186–194. (In Russ.)
- Vishniakova, E. A. “K voprosu ob inoiazыchnykh vkrapleniiakh v epistolarii russkikh klassikov XIX veka: V. A. Zhukovskii i K. N. Batiushkov” [“On Foreign Language

Inclusions in the Epistolary of Russian Classics of the 19th Century: V. A. Zhukovsky and K. N. Batyushkov”]. *Vestnik tomского gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (195), 2018, pp. 92–99. (In Russ.)

Gatina, Z. S., Vishlenkova, V. A. “Sistema nauchnoi attestatsii v meditsine v Rossii v pervoi polovine XIX veka” [“The System of Scientific Certification in Medicine in Russia in the First Half of the 19th Century”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 1 (18), 2014, pp. 168–178. (In Russ.)

Dorovskikh, L. V. “Latinskie vkrapleniia v perepiske A. P. Chekhova” [“Latin Inclusions in the Correspondence of A. P. Chekhov”]. *Filologicheskii klass*, no. 24, 2010, pp. 60–66. (In Russ.)

Diagileva, I. B. “Latinskie slova i vyrazheniia v russkikh gazetakh pervoi poloviny XIX veka” [“Latin Words and Expressions in Russian Newspapers of the First Half of the 19th Century”]. *Akademik A. A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie (k 150-letiiu so dnia rozhdeniia)* [*Academician A. A. Shakhmatov: Life, Work, Scientific Heritage (to the 150th Anniversary of His Birth)*]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2015, pp. 536–541. (In Russ.)

Ilchenko, O. S. “Latinskie vkrapleniia v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka” [“Latin Inclusions in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century”]. *Russian Linguistic Bulletin*, no. 3 (23), 2020, pp. 140–144. (In Russ.)

Koshechko, A. N. “Bolezn' kak ekzistentsial'nyi fenomen v tvorcheskom soznanii F. M. Dostoevskogo” [“Disease as an Existential Phenomenon in the Creative Mind of F. M. Dostoevsky”]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, 2012, pp. 285–289. (In Russ.)

Krasnova, T. V. *Inoiazychnye vkrapleniia v russkoi literaturnoi rechi nachala XX veka* [Foreign Language Inclusions in Russian Literary Speech at the Beginning of the 20th Century: PhD Thesis, Summary]. Voronezh, 2009. 25 p. (In Russ.)

Kuznetsov, O. N., Lebedev, V. I. *Dostoevskii nad bezdnoi bezumiia* [Dostoevsky Over the Abyss of Madness]. Moscow, Kogito-tsentr Publ., 2003. 232 p. (In Russ.)

Kuleva, A. S., Shestakova, L. L. “Inoiazychnye vkrapleniia v tekstakh poetov Serebrianoogo veka (po materialam svodnogo slovaria poeticheskogo iazyka)” [“Foreign Language Inclusions in the Texts of the Poets of the Silver Age (Based on the Materials of the Consolidated Dictionary of the Poetic Language)”]. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, vol. 74, no. 1, 2015, pp. 68–76. (In Russ.)

Mirzoeva, V. M., Tolkacheva, N. N. “Kontseptosfera ‘bolezn’ v tvorchestve F. M. Dostoevskogo” [“The Concept of ‘Disease’ in the Works of F. M. Dostoevsky”]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2016, pp. 135–140. (In Russ.)

Mochul'skii, K. V. *Gogol'. Solov'ev. Dostoevskii* [Gogol. Solovyov. Dostoevsky]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 273 p. (In Russ.)

Nilova, A. Iu. “Latinskii iazyk v tvorchestve F. M. Dostoevskogo” [“Latin Language in the Works of F. M. Dostoevsky”]. *Fortunatovskie chteniia v Karelii* [Fortunatov Proceedings in Karelia]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2018, pp. 36–39. (In Russ.)

Piotrovskii, R. G., Rabukho, N. P., Khazhinskaia, M. S. *Sistemnoe issledovanie leksiki nauchnogo teksta* [Systematic Study of the Vocabulary of a Scientific Text]. Kishinev, Shtiintsa Publ., 1981. 159 p. (In Russ.)

Ponomareva, G. B. “Dostoevskii — syn vracha i vrachevatel’ bol’nogo mira (k 185-letiiu so dnia rozhdeniia)” [“Dostoevsky as a Son of a Doctor and Healer of the Sick World (to the 185th Anniversary of His Birth)”]. *Vrach*, no. 1, 2007, pp. 76–78. (In Russ.)

Ruzhitskii, I. V. *Iazykovaia lichnost’ F. M. Dostoevskogo: leksikograficheskoe predstavlenie* [Linguistic Personality of F. M. Dostoevsky: Lexicographic Presentation: DSc Thesis, Summary]. Ekaterinburg, 2015. 57 p. (In Russ.)

Saimon, K. “Latinskie tsitaty v ‘Putevykh zapiskakh’ arkhiepiskopa Nila (Isakovicha)” [“Latin Quotations in the ‘Travel Notes’ by Archbishop Nil (Isakovich)”]. *Filaretovskii al’manakh*, no. 4, 2008, pp. 77–92. (In Russ.)

Skoropadskaiia, A. A. “Streptu belli propelluntur artes: latinskii aforizm Dostoevskogo” [“Streptu Belli Propelluntur Artes: Dostoevsky’s Latin Aphorism”]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 7, no. 4, 2020, pp. 208–221. (In Russ.)

Sokolova, O. V. *Ot avangarda k neoavangardu: iazyk, sub’ektivnost’, kul’turnye perenyosy* [From Avant-garde to Neo-avant-garde: Language, Subjectivity, Cultural Transfers]. Moscow, Kul’turnaia revoliutsiia Publ., 2019. 294 p. (In Russ.)

Khalikov, M. M. “Polilingvizm khudozhestvennogo mira F. M. Dostoevskogo” [“Polylinguism of the Artistic World of F. M. Dostoevsky”]. *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial’nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, no. 76, 2021, pp. 98–109. (In Russ.)

Cherniavskii, M. N. “Kratkii ocherk istorii i problem uporiadocheniia meditsinskoi terminologii” [“A Brief Outline of the History and Issues of Medical Terminology Streamlining”]. *Entsiklopedicheskii slovar’ meditsinskikh terminov: v 3 t.* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms: in 3 vols.], vol. 3. Moscow, Sovetskaya entsiklopediia, 1984, pp. 411–425. (In Russ.)

Chulkov, G. I. *Kak rabotal Dostoevskii* [How Dostoevsky Worked]. Moscow, Iurait Publ., 2019. 217 p. (In Russ.)